

Тот разговор с князем Ци казался Чи Юю фарсом — нелепым, дурным спектаклем.

«Ци Юань влюблен в меня?»

Пустые слова.

Будь это правдой, какое место в его сердце занимали бесконечные обительницы гарема? И его несчастная старшая сестра — кем она была для него? Игрушкой?

Он был убежден: Ци Юань просто искал оправдание, способ переложить бремя ответственности за павшее государство на чужие плечи, лишь бы не нести его в одиночку.

Он никогда не верил в искренность монарших чувств.

Сказал бы ему нечто подобное Цинь Су — возможно, он бы еще прислушался.

С одной стороны был правитель потерянной страны, с малых лет обученный имперскому лицемерию, окруженный толпами красавиц и ставший героем двусмысленных народных басен. С другой — государь эпохи возрождения, выросший среди простых людей и в тени дворцовых интриг, чьи покои теперь пустовали, если в них не было Чи Юя. Монарх, который либо засиживался до рассвета в кабинете, либо спал во дворце супруга; сын, чтивший память матери и неустанно воздававший ей посмертные почести.

Даже если бы у Чи Юя не было памяти о трех годах их современного брака, он всё равно не счел бы Цинь Су таким же холодным, как Ци Юань.

Впрочем, стоило убедиться, что князь Ци не замышляет какую-нибудь тайную каверзу, а остальное — сущие пустяки.

Чи Юй выбросил павшего правителя из головы. Он сосредоточился на выздоровлении, управлении внутренним дворцом и бесконечных жалобах императора на нерадивых чиновников, в чьи дела он волей-неволей оказывался втянут.

Вот только в последнее время государь вел себя странно.

Во-первых, он стал смотреть иначе. Во-вторых, он то окутывал Чи Юя чрезмерной нежностью, то внезапно вспыхивал гневом без видимых причин. К тому же Цинь Су всё чаще повадился приходить к нему по ночам. Раньше император предпочитал ночевать в рабочем кабинете, за что Чи Юй втайне хвалил его за прилежание, но теперь государь постоянно стремился в Срединный дворец. Закончив обсуждение дел, он замирал и подолгу пристально смотрел на него.

Чи Юй терялся в догадках.

А что же император?

На самом деле он поверил словам князя Ци.

Он знал: люди, познавшие вкус верховной власти, редко опускаются до лжи — это ниже их достоинства. Но глядя на то, как Чи Юй с презрением отвергает признание Ци Юаня, Цинь Су чувствовал странное, острое удовлетворение.

Почему?

Государь начал подозревать, что и сам питает к Чи Юю некие чувства.

Чи Юй обладал памятью о другой жизни и подсознательно видел в императоре того самого Цинь Су, который был его мужем. Его отношение было наполнено близостью и прямоотой, в которых невольно сквозила привязанность.

И эта привязанность, разумеется, предназначалась Цинь Су.

Но ведь император и был им. Пусть он оставался тем Цинь Су, что «лишен воспоминаний о современности», он кожей чувствовал эту тонкую нить, связывающую их.

Цинь Су рос, одержимый мезтью. Позже в его голове поселились мысли о реках, горах и народе великой страны. Сказать, что он никогда не мечтал о любви, было бы ложью. Любовь матери была его единственным якорем, его силой в борьбе за трон. Он считал, что этого тепла ему достаточно, а погоня за страстью приведет его к тому же краху, что постиг его отца — к предательству и одиночеству.

Именно поэтому он искренне желал, чтобы род его отца пресекся. Он «взял в жены» Чи Юя, намереваясь использовать его как живой щит и талантливого подчиненного, оказывая ему, впрочем, великие милости.

Он считал Чи Юя одаренным редким талантом, но тот имел слишком мягкое сердце.

Цинь Су тайно последовал за ним в поместье князя Ци, опасаясь, что тот наговорит лишнего и свергнет Чи Юя в пучину вины или тоски. Как говорится, «горе от ума» — именно этого он боялся для своего супруга.

Вместо этого он стал свидетелем великой драмы.

Оставим в стороне споры о том, стоит ли копить обиды. Когда Чи Юй бросил в лицо врагу: «Я ненавижу тебя», Цинь Су, стоявший в тени, почувствовал, как изменилась аура князя Ци. Тот выпалил: «Я так любил тебя...»

Любил?

Чи Юй был поражен, но император — поражен не меньше.

Цинь Су повзрослел рано, еще будучи заложником в государстве Юэ. Он знал, что свергнет отца и заставит его заплатить за всё. Как законный первенец, он получил блестящее образование от опальной императрицы, его взгляд был суров, а в помыслах сквозила крайность.

Именно Чи Юй первым привлек его внимание.

Из соображений безопасности он не мог покидать дворец, но встречался с наследным принцем Ци. Тот был явно избалован, о его талантах говорить не приходилось, но вот сопровождавший его юноша-партнер по играм был на редкость проницателен.

Цинь Су, выросший в Холодном дворце, научился читать людей по малейшему движению бровей. Сначала он оценил положение Чи Юя, затем его происхождение, а после понял: этим юношей с мягким сердцем легко манипулировать.

Решив втереться в доверие, он выжидал момента, совершенствуя себя и собирая слухи. Но не успел он нанести удар, как Чи Юй ушел на фронт.

Цинь Су счел это потерей.

Заметив, как принц привязан к Чи Юю, он решил обернуть это в свою пользу. Он полагал: если удастся накопить силы в Ци и сокрушить Юэ извне — тем лучше. У него не было ни капли верности родному дому; страна принадлежала ему по праву рождения, и он волен был распоряжаться ею как угодно.

Возможность представилась быстро.

Старый князь Ци был хитер и вероломен. Почувствовав угрозу со стороны клана Чи, он нанес сокрушительный удар.

Видя, как принц умоляет отца о пощаде для друга, Цинь Су первым разузнал, где держат Чи Юя, и выкрал его прежде, чем принц успел до него добраться.

Князю Ци было плевать на судьбу юного чиновника.

«Зачем мне оставлять его тебе, чтобы вы укрепляли свои узы и стирали обиды? Я не настолько глуп», — думал тогда Цинь Су, терпеливо утешая сломленного Чи Юя.

Он не ошибся: Чи Юй обладал удивительно ясным умом. Он разгадал намерения Цинь Су и принял правила игры. Тогда-то император и начал по-настоящему ценить его за стойкость и проницательность.

В это же время из Юэ пришли вести от людей его матери: в стране начались смуты.

Несмотря на всю свою расчетливость, Цинь Су был еще юн и не смог сдержать волнения. И тогда Чи Юй, в свою очередь, стал его опорой.

Последний год в Ци Цинь Су провел, распределяя связи и проводя время с Чи Юем в беседах о судьбах мира и идеалах жизни.

Впервые он встретил столь одаренного человека. Будучи по натуре собственником, он поклялся: если представится шанс, этот человек будет принадлежать ему. Отдавать такого гения посредственному принцу — преступное расточительство.

И что теперь этот посредственный принц лепечет?

«Разве легко отбросить любовь, которую несешь на своих плечах?»

Да кому какое дело до твоей любви? Чи Юй уже принадлежит мне. Твоим он не будет никогда.

И что еще?

«Я должен сделать так, чтобы ты до конца жизни был мне хоть чем-то должен?»

Его жизнь уже в моих руках. Ты хочешь что-то потребовать у меня? То, что попало ко мне, обратно не возвращается!

Император собирался дослушать до конца, но порыв оказался сильнее. Он шагнул из тени:

— Он тебе ничего не должен и не будет должен. Как говорят, «вышедшая замуж жена принадлежит дому мужа». Пусть ты не женщина, но ты стал моим супругом. Ты — моя императрица, мой человек, и нет причин помогать прежнему господину. По законам рода, ты можешь даже принять фамилию Цинь. Кто может быть тебе ближе меня?

Заметив шок и сомнение князя Ци, Цинь Су ощутил лишь холодное недовольство.

«Твоя любовь — это попытка давить на него старым долгом?» — подумал он.

«Я с таким трудом привез его в Юэ, наделил властью, доверил войска, едва-едва приручил — и ты хочешь пошатнуть его дух парой фраз? Не бывать этому!»

Император опасался, что слова князя Ци оставят рану в душе Чи Юя. Но, обернувшись, он увидел, что тот спокоен и облегчен.

«Вот это — мой человек», — с удовлетворением заключил он.

Вернувшись во дворец, государь поймал себя на мысли: как император, он вовсе не обязан так печься о чувствах подчиненного. Какая разница, винит он себя или нет, если он исправно служит?

Цинь Су не был бы собой, если бы не умел анализировать. Он быстро понял: слова князя Ци задели не Чи Юя, а его самого.

Он действительно влюбился.

Придя к такому выводу, он стал еще внимательнее следить за супругом, что и породило ту странность в поведении.

Прошло еще несколько дней. Чи Юй, не заметив больше ничего подозрительного в поведении государя, вернулся к делам. Раны зажили, и вскоре ему предстояло вернуться к участию в утренних приемах, так что он с головой ушел в государственные бумаги.

Император не мешал ему, предпочитая наблюдать со стороны и разбираться в собственных чувствах.

Наступил день летнего солнцестояния. Жара пришла внезапно. Встав на рассвете, Цинь Су ощутил необъяснимое раздражение и велел подать чашу крепкого горького чая, прежде чем идти к чиновникам.

Странно: война только закончилась, но климат в этом году был на редкость милостив. Зима выдалась снежной, весенние дожди напоили землю вовремя, а летние грозы лишь освежали воздух.

Бедствий не было, три месяца перехода власти прошли мирно, страна постепенно возвращалась в привычное русло, демонстрируя признаки процветания.

И тогда придворные начали интересоваться делами иного рода.

— Ваше Величество на троне уже несколько лет, но до сих пор не имеет наследников. Не пора ли открыть двери гарема и провести широкий набор наложниц?

Опять старая песня. Стоило воцариться миру, как нашлись желающие сунуть нос в чужую постель. Император уже не в первый раз слышал подобные призывы.

— У меня нет к этому интереса. Не упоминайте об этом впредь, — привычно отрезал он.

Но сегодня всё было иначе. Обычно после такого отказа чиновники отступали, но сегодня вперед выступил левый канцлер:

— У меня есть доклад.

— Говори.

— Раз государь не желает широкого набора, следует хотя бы отобрать достойных дев из столичных семей. Наследование престола — дело государственной важности. Императрица же проявляет чрезмерную ревность, и Вашему Величеству стоит призадуматься. К тому же императрица — бывший подданный Ци. Пост супруга монарха слишком значим. Кто знает, что у него на уме? Раз он вошел в Срединный дворец, он не должен вмешиваться в дела управления. Я смиренно прошу Ваше Величество лишить его командования войсками.

Канцлер оставался бесстрастным, воплощая саму праведность.

— Поддерживаю! — раздалось из рядов.

— Поддерживаю!

Цинь Су смотрел на толпу склонившихся подданных, и внутри у него закипала ярость. Последние три месяца нападки на Чи Юя следовали одна за другой, и он до сих пор игнорировал их.

— Императрица мне глубоко симпатична. Довольно слов, — глухо произнес он, подавляя гнев.

По логике, на этом всё должно было закончиться: еще пара формальных возражений и роспуск собрания. Но тут из самого конца строя выскочил какой-то молодой книжник:

— Как государь может быть столь ослеплен?! Императрица прибыла из Ци ради мира через брак, Ваше Величество не должен так слепо доверять ему! Он уже три месяца не касается дел, самое время отобрать у него военную власть! И его старые отряды — как можно позволять им существовать отдельно? Государь на троне не первый год, пора объявить большой отбор!..

Откуда взялся этот наглец, не знающий даже правил приличия?

Император нахмурился, но крикун продолжал, не умолкая:

— Прежний император потакал злокозненным наложницам, что привело к разорению страны и бесконечным войнам! Неужели Ваше Величество желает повторить этот позорный путь?!

Грохот!

В зале воцарилась гробовая тишина. Цинь Су в ярости ударил по столу и встал.

Больше всего на свете он ненавидел упоминания о своем отце и еще сильнее — сравнения с ним. Когда он ворвался во дворец и снес голову родителю, это можно было назвать мятежом, но придворные лицемерно окрестили это «очищением окружения государя», позволив ему занять трон. Еще тогда он понял: на этих людей нельзя полагаться.

Они были так проникательны, что никто не смел спорить, когда он дал отцу посмертное имя Ю — «Призрачный». И теперь они, прекрасно зная, что он не хочет оставлять потомства, смели давить на него?

Просто они были ослеплены завистью к положению Чи Юя.

Но его гнев вызвал не только призрак отца. Его привело в бешенство то, что Чи Юя посмели сравнить с порочной наложницей!

Какое безрассудство!

— Стража! Увольчь его.

Бросьте его в темницу! Будь он обычным человеком, Цинь Су прибил бы его прямо здесь, на месте. Но императору не пристало превращать тронный зал в плаху — это слишком напоминало бы безумства его отца.

Нельзя позволять какому-то безумцу портить себе настроение и марать репутацию.

Однако пламя гнева неожиданно прояснило его мысли. Последние дни он искал подтверждение своим чувствам, и теперь оно явилось ему во всей полноте: «Я действительно люблю его».

Этот момент был идеален.

Император холодно усмехнулся:

— Сегодня я скажу вам раз и навсегда. Моя императрица наделена и добродетелью, и редким талантом. Он командовал войсками и стяжал славу, он обладает умом, способным созидать мир. Мое сердце отдано ему. С тех пор как он со мной, государственные дела в порядке, а земли присоединены. Его способности — дар небес! Будь у вас хотя бы половина его проницательности, вы бы не пялились на чужую власть, а думали, как помочь мне управлять страной. Вместо этого вы клеветаете на верного слугу трона?! Кто еще посмеет дурно отзываться об императрице — пусть подает в отставку! Моему двору не нужны такие «таланты»! И запомните: больше ни слова о наложницах. В этой жизни мне достаточно одного его!

— Собрание окончено!

Он взмахнул рукавом и стремительно покинул зал.

<http://bllate.org/book/17538/1701128>